

Е Тао находился в незаметном месте, был тих, но проходящие мимо люди всё равно бросали на него взгляды. Это было связано не с ним, а с Баобао. Хотя Баобао с рождения был слаб здоровьем, его внешность была поразительно красивой. Его лицо, больше похожее на женское, было невероятно привлекательным: высокие брови, миндалевидные глаза, маленькая родинка под глазом — каждое его движение было полным изящества. Такой выдающийся юноша, одетый в необычный светло-лиловый костюм с вышивкой бамбука и орхидей, с застёгнутым воротником, с чётками из ста восьми бусин и нефритовой подвеской «Рука Будды» на запястье, привлекал внимание. Но самым заметным было то, что он держал на руках кошку, которая явно не должна была находиться на таком мероприятии.

Ань Чэнсюань, наблюдавший издали, задумчиво осмотрел их и подошёл ближе.

— Не возражаете, если я присяду? — спросил он, спокойно усаживаясь рядом с Е Тао.

Е Тао не проявил реакции, но Баобао явно был недоволен. Едва Ань Чэнсюань начал завязывать разговор, Баобао встал, оскалил острые зубы и зашипел.

Ань Чэнсюань, которого он уже царапал, увидев это, слегка отстранился и спросил:

— Зачем вы взяли кошку в такое место?

Е Тао не стал поддерживать разговор, только погладил слегка взъерошенную шерсть Баобао:

— Пересядьте, пожалуйста, Баобао шаловлив, и если он вас поцарапает, будет неприятно.

— Я всё-таки старше тебя, даже если я тебе не нравлюсь, не стоит показывать это так явно, — Ань Чэнсюань улыбался, его голос был приятным, но слова звучали резко. — Цзыцянь не научил тебя... Ох, чуть не забыл, ты ведь болен и можешь только сидеть дома. Учиться светским манерам тебе всё равно не пригодится.

Е Тао прижал Баобао к груди, с недоумением глядя на Ань Чэнсюаня. Чжоу Цзыцянь рассказывал ему о характере Ань Чэнсюаня. Тот считал его неудобным, и Е Тао это понимал. Но если он ему не нравился, то мог просто не смотреть на него. Зачем специально подходить и провоцировать?

— Думаешь, ты меня обидел? — Ань Чэнсюань слегка прищурился, уголки губ приподнялись в улыбке. Он схватил Е Тао за тонкое плечо, с намёком на фамильярность и насмешку, сказал:

— Не трать силы. С твоим умом тебе лучше всего петь в клетке, маленькая птичка.

Ань Чэнсюань с детства не был дружелюбным человеком. К тому же его избаловали в семье, и он вырос с резким и властным характером. Конечно, он был бизнесменом, и даже будучи избалованным, не со всеми вёл себя так. Он был резок с Е Тао, потому что завидовал и злился. Их первая встреча прошла не очень гладко, а во второй раз Баобао его поцарапал. Но больше всего Ань Чэнсюаня раздражало то, что Чжоу Цзыцянь стал держаться от него на расстоянии. Раньше, когда он приглашал его на ипподром, тот соглашался хотя бы раз из трёх, а теперь не ходил вовсе.

Ань Чэнсюань не был тем, кого можно легко отмахнуть. После нескольких отказов он начал злиться. Он спросил Чжоу Цзыцяня, почему тот отдаляется, и тот ответил, что его племянник повзрослел и начал заботиться о нём. Он не хотел, чтобы племянник беспокоился, что однажды он найдёт себе дядю-мужчину. Если бы такая возможность действительно существовала, Ань Чэнсюань не был бы так зол. Но проблема в том, что он годами пытался

добиться хоть какого-то шанса, а в итоге оказался «отстранённым» по такой причине. Как он мог смириться с этим? Обычно они с Е Тао не встречались, но сегодня, увидев его, он не смог сдержать раздражения и решил выплеснуть его.

Е Тао не хотел ссориться с таким человеком, но плечо, которое тот сжимал, начало болеть. Он поднял руку, чтобы оттолкнуть, но Баобао уже выпустил когти. Кошка действовала молниеносно, и Ань Чэнсюань не успел увернуться. Он почувствовал резкую боль в ладони, и когда отдернул руку, уже увидел кровь. Это стало последней каплей, и Ань Чэнсюань в ярости замахнулся, чтобы ударить.

Е Тао схватил его за запястье, другой рукой прижав Баобао к груди. Его голос был тихим, но твёрдым:

— Господин Ань, здесь много людей. Неужели стоит так злиться на кошку?

— А ты поощряешь это животное нападать на людей?! — Ань Чэнсюань с ненавистью вырвал руку, его лицо было искажено гневом.

— Животные могут быть понятливее людей. Учитывая, что он защищал хозяина, не стоит на него сердиться, — Е Тао не хотел усугублять ситуацию. Хотя его слова были с подтекстом, он дал Ань Чэнсюаню возможность выйти из положения.

Но Ань Чэнсюань был слишком зол, чтобы принять это. Он достал из кармана носовой платок, вытирая рану, и сказал:

— Хорошо, я могу не сердиться на этого зверёнка. Но моя рука ранена, и кто-то должен извиниться, верно?

Эти слова были отвратительны. Он сам начал придирается к Е Тао, а теперь требовал извинений. Если бы Е Тао не извинился, Ань Чэнсюань мог бы «великодушно» простить, но тогда Е Тао признал бы, что он — то самое «животное».

Сяо Чэн, вернувшийся с едой, услышал эти слова и сразу понял, что произошло. Он поспешно поставил стакан и с улыбкой сказал:

— Господин Ань, не сердитесь. Это моя вина, я не уследил за Баобао. Если хотите наказать, накажите меня...

— Ты кто такой? — Ань Чэнсюань, намеренно придираясь к Е Тао, не стал церемониться с Сяо Чэном, который взял вину на себя.

Сяо Чэн замер, но быстро снова улыбнулся, продолжая мягко говорить:

— Да, да, вы правы, я не должен был...

— Отойди, тебе здесь не место! — Ань Чэнсюань снова резко прервал его, бросив взгляд, полный презрения и отвращения.

— Господин Ань, хватит, — Е Тао не любил ссориться, но это не значит, что он позволит себя унижать. — Я молод, но понимаю, что хорошо, а что плохо. Вы наступили на меня, я стерпел, но если вы продолжаете давить, это уже слишком.

Ань Чэнсюань усмехнулся, протянул руку, схватил Баобао за загривок и швырнул его на пол. В

крике Баобао слышался гнев и страх. Ань Чэнсюань наклонился к Е Тао и тихо, но с вызовом прошептал:

— Я наступил, и что ты сделаешь? Думаешь, Цзыцянь ради тебя поссорится со мной? Дурак!

— Не такой дурак, как ты, — Е Тао оставался спокойным, его голос был ровным, словно он просто беседовал, но больше не собирался давать шанс тому, кто не ценит доброту. — Ты думаешь, кого ты унижаешь? Ты унижаешь семью Чжоу, а он и я — одной крови. Ты оскорбляешь меня, значит, ты оскорбляешь его. Ты ведь знаешь, как важен для мужчины его авторитет? Он не станет ссориться с тобой при всех, но наедине всё будет иначе. Советую тебе научиться сдерживаться, ведь не все обязаны терпеть твою глупость.

Едва произнеся это, Е Тао взял стакан, который принёс Сяо Чэн. В изящном бокале был горячий чёрный чай. Е Тао слегка поднял руку, и чай вылился на грудь Ань Чэнсюана. Белая рубашка мгновенно пропиталась чаем, и пятно продолжало расплываться.

Ань Чэнсюань на мгновение застыл, затем схватил Е Тао за воротник, лицо его исказилось от ярости:

— Что ты делаешь?!

С того момента, как Ань Чэнсюань замахнулся на Баобао, некоторые гости уже обратили на это внимание, но Е Тао старался не привлекать лишнего внимания. Теперь, когда Ань Чэнсюань повысил голос и начал угрожать Е Тао, взглядов стало ещё больше.

— В зале душно, мне стало плохо, и я случайно пролил на вас, — Е Тао спокойно сказал под пристальными взглядами. — Вытрите, чтобы не обжечься. Сяо Чэн...

Сяо Чэн поспешно взял салфетку и начал вытирать Ань Чэнсюаня, делая вид, что чистит одежду, но на самом деле ослабляя хватку Ань Чэнсюана на воротнике Е Тао. Он встал между ними, продолжая извиняться и вытирать одежду.

Ань Чэнсюань был в ярости, он оттолкнул руку Сяо Чэна, хотел схватить Е Тао, но, увидев, как все вокруг смотрят на них, остановился. Его пальцы сжались в кулак, вены на руке набухли, но он сдержался.

<http://bllate.org/book/17687/1650261>